

литическое противостояние различных социальных групп и общественных течений, затрудняет формирование общенациональных идеалов и выработку долгосрочной стратегии успешного социального развития страны.

Таким образом, изучение национально-культурной идентичности Беларуси в контексте развернувшихся процессов глобализации и сопутствующей ей информационной революции представляется актуальным и принципиально важным для обеспечения социальной стабильности и гражданского мира, для понимания и прогноза дальнейшего национально-государственного строительства и модернизации белорусского общества. «Именно национальная идентичность во взаимосвязи с гражданской есть сущностная основа сохранения идентичности страны и одновременно важнейший ресурс ее конкурентоспособности» [1, с. 79].

Литература

1. Бабосов, Е.М. Идентичность как фактор консолидации / Е.М. Бабосов // *Беларуская думка*. – 2013. – № 3. – С. 74–79.
2. Швецова, А.В. Национальная идентичность: социально-культурный и гражданско-политический аспекты / А.В. Швецова // *Обсерватория культуры*. – 2017. – Т. 14, № 6. – С.653–661.
3. Шубин, Ю.А. Национально-культурная идентичность как проблема современной культурологии / Ю.А. Шубин // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. – 2011. – № 4(42). – С.42–47.

ОПЫТ СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОСМЫСЛЕНИИ ФЕНОМЕНА «ПОГРАНИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Наумова А.В.,

БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Поиск решения возникающих в обществе проблем культурного и цивилизационного пограничья чаще всего осуществляется на актуально-политическом, поверхностном уровне, что бывает обусловлено сиюминутной необходимостью. Однако долгосрочное прогнозирование и успешный поиск адекватных ответов на вызовы становится возможным, лишь если к проблемам пограничья подходить системно, с разных сторон и в междисциплинарном аспекте.

Общая типология исторических закономерностей обуславливает интерес белорусов к другим славянским народам – в частности, к сербской истории, культуре и литературе. Сербские земли на протяжении веков не раз захватывались, находились в составе различных государственных образований (прежде всего, Османской империи и Австро-Венгрии), а в новейшей истории сербы пережили сложнейшие коллизии межэтнического

взаимодействия, ставшие причиной кровопролитных войн и до сегодняшнего дня во многом не разрешенные. История сербов важна для анализа феномена границы как в общественно-политическом, так и историософском ключе, в том числе и в художественной литературе. «Идею судьбы может сообщить только художник – портретом, трагедией, музыкой» [6, с. 182], – писал Освальд Шпенглер, доказывая то, что одним лишь «механизирующим интеллектом» точных наук нельзя добиться того, что можно постичь через художественное произведение, «впитавшее» в себя душу культуры. Арнольд Тойнби, характеризуя свой подход к изучению истории, говорил: «...Поскольку наклон травинки действительно показывает, в какую сторону дует ветер, наблюдения сатирика могут оказаться хорошим руководством для историка» [5, с. 397]. Таким образом, в самой сути исследований локальных цивилизаций заложен интерес к различным формам искусства как богатой базе мировоззренческих ориентиров и культурного опыта.

Выделим ряд аспектов, в которых, по нашему мнению, сербская литература достигла особенно значимых результатов, ценных в контексте рассмотрения феномена границы.

Первый из них связан с осмыслением Косовского завета как центральной идеи сербского национального мировоззрения. Эта идея имеет конкретно-историческое происхождение. В 1389 году состоялась Косовская битва, исход которой трудно оценить однозначно: в ее ходе погибли оба предводителя (и турецкий султан Мурад I, и сербский царь Лазарь), обе армии понесли огромные потери. Однако именно с нее начинается турецкий этап сербской истории, длившийся более пяти веков и оставивший неизгладимые последствия. С этого момента устанавливаются многочисленные линии разделения на Балканах – между Западом и Востоком, «своим» человеком и «потурченцем», христианством и исламом, славным прошлым и унижительным настоящим, реальным и идеальным. С Косовской битвой также связано одно важное для сербов предание, запечатленное в фольклоре и церковных житиях: перед битвой царь Лазарь вынужден был сделать выбор между царством земным и Царством Небесным [4, с. 55]. Выбрав первое, он бы выиграл битву и обеспечил благоденствие своему государству. Однако царь Лазарь предпочел Царство Небесное: проиграл сражение, но указал своему народу путь к вечной жизни.

Битва на Косовом поле состоялась в XIV веке, ее прямые последствия давно в прошлом, однако общий комплекс идей того времени заложил фундамент сербского менталитета. Трагедия 1389 года определила историческую миссию сербских земель – стать пограничьем между Западом и Востоком. Более того, данные обстоятельства посеяли семя раздора среди самих сербов. Многие из них приняли ислам, что породило братоубийственные конфликты в стране.

Наиболее ярко суть завета представлена в сербских эпических песнях, в творчестве черногорского поэта Петра Петровича Негоша, а также

сербского писателя и святителя Николая Велимировича, но в той или иной форме свое отражение она находит практически во всем корпусе сербской литературы.

Как отмечал уже в XX веке сербский писатель, Нобелевский лауреат Иво Андрич, для Негоша и его соотечественников «могущественное Османское царство было действительным воплощением ада на земле, олицетворенным принципом Зла, с которым должно бороться без колебания, без примирения, более того – *безо всякой надежды* на победу» [2, с. 89]. Косовский завет – это абсолютная вера без земного утешения. Носители Косовской идеи «живут распятые между своей «землепашеской», рабской реальностью и героической обилической мыслью» [2, с. 83]. Этот народ так и не смирился с поражением на Косовом поле, он живет образами прошлого, которое в его сознании сливается с желанным будущим – светлым и героическим. На первый взгляд необоснованная, эфемерная, но крепкая и безусловная вера в победу добра и справедливости движет сербами на протяжении всей их истории, и одновременно разрывает их души пополам, ибо два мира – реальный и идеальный – никогда не соединятся: «Пускай будет борьба непрерывной, / Пускай будет то, чего быть не может!» [3, с. 37].

Таким образом, Косовский завет – источник естественной противоречивости сербской души, стремящейся преодолеть в себе пропасть между царством земным и Царством Небесным, действительностью и идеалом, Западом и Востоком. Перед нами трагизм существования в ситуации безальтернативного выбора; двойственность, которую представителю сербского народа удастся соединить в своей душе.

Второй аспект связан с осмыслением психологии пограничного человека и трагизма его бытия в целом. Наиболее яркие образы созданы Иво Андричем, который в своей исторической прозе исследует духовную разделенность внутри человека, «обнажая» многочисленные границы между «своим» и «чужим» в душах героев. Писатель создает рельефные образы «ничьих» людей, сопровождая их детализированной и достоверной мотивировкой поведения и характера. По Андричу, «пограничным» человек может стать как в результате осознанного выбора («потурченцы» – религиозные конвертиты, сменившие веру ради материального благополучия; левантинцы), так и в силу непреодолимых обстоятельств (дети христиан, разлученные с семьями и отправленные в Турцию; евреи-сефарды, изгнанные с Пиренейского полуострова и поселившиеся в Боснии). Все они «жертвы фатального разделения человечества», «вечные толмачи и посредники, однако души их самих полны неясного и недоговоренного; прекрасные знатоки Востока и Запада, их обычаев и верований, но одинаково презираемые и подозреваемые обеими сторонами» [1, с. 239–240].

Таким образом, в творчестве сербских авторов в силу объективных внелитературных причин особенно плодотворно осмыслялись проблемы пограничья, типологически важные для сравнения с восточнославянской

ситуацией. Важно понимать, что всякая противоречивость носит амбивалентный характер. Неустойчивое пограничье и «пограничный» человек, с одной стороны, носят печать трагизма, с другой – предрасположены к порождению новых смыслов и созданию прогрессивных идейных инноваций.

Литература

1. Андрич, И. Травницкая хроника. Мост на Дрине / И. Андрич. – М. : Художественная литература, 1974. – 686 с.
2. Андрић, И. Сабрана дела у двадест књига / Иво Андрић. – Београд : Штампар Макарије ; Подгорица : Нова књига, 2011. – Т.15 : Есеји и критике 2. – 359 с.
3. Његош, П.П. Горски вијенац / П.П. Његош. – Нови Сад : Српска књижара Браће М. Поповића, 1885. – 144 с.
4. Српска књижевност. Антологија текстова. Књ. I. / ред. И.А. Чарота. – Минск : БГУ, 2002. – 170 с.
5. Тойнби, А.Д. Постигание истории: избранное / А. Тойнби. – Москва: Айрис-пресс, 2010. – 637 с.
6. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск : Наука, 1993. – 584 с.

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Радевич Е.В.,

БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Современный опыт жизнедеятельности, осуществляемый поверх культурных границ, означает, с одной стороны, потерю традиционных символических форм, но и создание новых культурных смыслов с другой. Глобализация культуры способствует значительному расширению сознания людей, когда понятие «национальное сообщество» устаревает и начинает дополняться усилением глобального мировоззрения. Такое глобальное мировоззрение предполагает активное культурное взаимодействие, в рамках которого возрастает межкультурный диалог.

Усиление глобализационных процессов порождает активизацию усилий по сохранению, возрождению и укреплению национальных, этнических и других форм коллективной идентичности. Такого мнения, в частности, придерживается Дуглас Келлнер в своей книге «Медиа культура». «Стремление к идентичности, – пишет Д. Келлнер – возможно более интенсивное в настоящий момент, чем когда-либо» [1, р. 256]. Автор соглашается с тем, что идентичность в современной постмодернистской ситуации, наиболее сильно подвержена изменениям и наименее устойчива и едина, чем